

ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЗДАНИЯ МЕТОДИКИ «ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТИ К АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ» И ЕЕ МОДИФИКАЦИЙ

В.А. Лабунская

Методика «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» была разработана в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. Впервые полный вариант методики был представлен в книге «Экспрессия человека: общение и межличностное познание» (Лабунская, 1999). На протяжении длительного периода осуществлялось создание различных вариантов методики с целью ее применения в диагностических и прогностических целях. Но прежде чем перейти к изложению особенностей применения разработанной нами методики, хотелось бы уточнить ряд теоретических позиций и коснуться не только самого понятия «способность к интерпретации невербального поведения», но и указать на связь выделяемой нами способности с социально-перцептивными способностями человека, с его социальным и эмоциональным интеллектом.

Как известно, ситуации общения в силу их разнообразных особенностей независимо от воли партнеров превращаются для них в творческую задачу, решение которой зависит от ряда умений и способностей субъекта познания, которые формируются в сфере социально-психологической практики и по своей сути являются социально-психологическими свойствами личности, ее социальными способностями. Для психологии невербального общения, межличностного познания особое значение имеет разработка проблемы социальных способностей личности, в структуру которых входит ряд социально-перцептивных способностей, в том числе и способность к адекватной интерпретации и пониманию невербального поведения человека. Современная социальная психология, рассматривая проблему социальных способностей личности, обращается также к таким явлениям, как социально-психологическая и социально-перцептивная компетентность, которые также определяются через ряд составляющих их способностей, умений и навыков.

Наряду с социально-перцептивной компетентностью, как комплекс социальных способностей рассматриваются социальный интеллект,

интеллект межличностных отношений, эмоциональный интеллект, социальное воображение, социальная проницательность, социально-психологическая наблюдательность. Перечисленные понятия и соответствующие им явления стали предметом теоретического анализа и экспериментального изучения сравнительно недавно. Одной из причин активизации внимания исследователей к сфере социальных способностей личности было открытие того факта, что закономерности развития познавательной сферы личности, опосредованные предметной деятельностью, не совпадают с особенностями ее формирования как субъекта познания, общения, социальной практики взаимодействия. Как известно, М. О'Салливан, Д. Гилфорд и Р. Демиль (Sullivan, Guilford, deMille, 1965) еще в середине шестидесятых годов прошлого столетия провели исследование, в котором показали, что существует группа способностей, развитие которых не зависит от уровня развития «реального интеллекта». В отечественной психологии сложилось также мнение, что социально-перцептивная компетентность, социальный интеллект связаны с решением определенного класса задач в сфере общения.

Общепринятым на сегодня является определение социального интеллекта как сложной способности, проявляющейся в умениях усматривать и улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере, адекватно воспринимать и интерпретировать личность и поступки другого или какую-либо жизненную ситуацию. О том, что социальный интеллект как вид интеллекта представляет из себя способность «к познанию социальных явлений», пишет Д. В. Ушаков (Ушаков, 2004), отмечая зависимость уровня развития социального интеллекта от сочетания ряда факторов, в том числе от личностных особенностей и жизненного пути человека. Этот вывод имеет для нас особое значение по той причине, что формирование различных функций невербального поведения личности, а также актуализация готовности к восприятию невербального выражения человека, к установлению связей между внешним и внутренним, обусловлены сочетанием культурных, социальных, социально-психологических, личностных особенностей субъектов общения, характеристиками их жизненного пути, определяющими направленность интерпретаций и превращение ситуации взаимодействия в творческую, социальную задачу. В качестве «глобальной способности, возникающей на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт», определяется социальный интеллект В. Н. Куницыной (Куницаина и др., 2001, с. 469).

Не менее важными для наших исследований являются современные представления об эмоциональном интеллекте, который большинством авторов рассматривается как подструктура социального

интеллекта, включающая ряд способностей. Так, Д. В. Люсин интерпретирует эмоциональный интеллект как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими» (Люсин, 2004, с. 33), а И. Н. Андреева (Андреева, 2006) подчеркивает, что эмоциональный интеллект – это устойчивая ментальная способность, в структуру которой входит способность к различению и выражению эмоций.

Таким образом, разнообразие терминов и понятий, связанных со сферой социальных способностей личности, отражают ее разнородные характеристики. В то же время в определении явлений, стоящих за этими понятиями, есть ряд общих моментов. Во-первых, они трактуются как способность, следовательно, сопряжены с определенной деятельностью, являются личностным образованием. Во-вторых, предметом этих способностей выступает установление отношений между событиями, в которых действующими лицами являются другие люди. В-третьих, основным показателем наличия или отсутствия способности к решению задач на установление отношений между событиями в сфере общения является адекватность интерпретации, точность понимания, прогнозирования, воздействия, выбранного речевого и неречевого способа обращения. В-четвертых, в каком бы контексте не рассматривались социальные способности, они описываются как сложные структурные образования, состоящие из ряда способностей. Одной из них является способность к адекватной интерпретации и точному пониманию невербального поведения.

Любая социальная способность, в том числе и способность к адекватной интерпретации невербального поведения, заявляет о себе в контексте определенной деятельности, в связи с соответствующими ей социально-перцептивными, коммуникативными задачами. Поэтому в качестве способа диагностики способности к адекватной интерпретации невербального поведения можно использовать «задачу». Проблема заключается в определении набора «задач» и показателей адекватности интерпретации невербального поведения.

Для развития наших представлений о способности к интерпретации невербального поведения и расширения методических приемов измерения уровня развития данной способности принципиально важным является вывод о том, что как социальный интеллект, так и его структурный компонент – эмоциональный интеллект, включают поведенческую составляющую, а также способности к регуляции отношений и взаимоотношений, способность к управлению эмоциями, проявляющуюся в контроле их внешнего выражения (Боякис, Макки, 2007; Вайсбах, Дакс, 1998; Гоулман, Боякис, Макки, 2005; Люсин, Ушаков, 2004).

На начальных этапах разработки методики, направленной на диагностику уровня развития способности к интерпретации невербально-

го поведения, (Лабунская, 1987) данная способность рассматривалась нами в трех аспектах:

- 1 В плане форм невербального поведения объекта интерпретации: элементы, степень целостности, контекст предъявления. С этой точки зрения способность к психологической интерпретации включает способность к адекватному восприятию и оценке элементов и целостного невербального поведения отдельного человека, диады, группы, а также способность устанавливать психологические связи между элементами и индивидуальными формами невербального поведения.
- 2 В плане интерпретации психологического содержания невербального поведения. Наиболее важными здесь являются способности к адекватному определению состояний, к установлению связей между невербальным поведением и качествами личности, к оценке отношений и взаимоотношений партнеров общения.
- 3 В функциональном плане способность к психологической интерпретации невербального поведения рассматривалась как способность к адекватной идентификации различных психологических характеристик человека на основе невербального поведения и способность адекватно использовать его как средство регуляции отношений в общении.

Иными словами, структура способностей к интерпретации невербального поведения включала два блока: способность к адекватной идентификации, пониманию различных форм невербального поведения и взаимодействия и способность к регуляции взаимоотношений в различных социальных контекстах с помощью невербального выражения эмоций.

В последнее время в связи с усилением интереса к проблеме осознаваемых и неосознаваемых компонентов невербального выражения личности, а также развитием теории социального интеллекта и представлений об эмоциональном интеллекте в структуру способности к интерпретации невербального поведения была введена еще одна способность – к кодированию невербального выражения эмоций.

Проблема соотношения кодирования и интерпретации невербального поведения обсуждалась нами в ряде работ (Дроздова, Лабунская, 2003; Лабунская, 1997, 2005). Основные выводы позволяют сохранить название изучаемой нами способности как способности к интерпретации невербального поведения, несмотря на то, что введен компонент целенаправленного кодирования экспрессии и на основе модификации методики усилен такой компонент способности, как способность к регуляции отношений. Вместе с этим хотелось бы подчеркнуть, что не только данные наших исследований (Дроздова

ва, 2003; Лабунская, 2005), но и результаты работ других авторов показывают, что способности к идентификации, к распознаванию, пониманию психологических особенностей другого человека на основе его невербального поведения имеют противоречивые связи со способностью к кодированию экспрессии и способностью к использованию ее в качестве средства регуляции общения в различных социальных контекстах. В этой связи определение этой способности как способности к адекватной интерпретации невербального поведения может быть подвергнуто критике.

Наряду с вышеизложенным, мы обращаем внимание также на то, что в выполненных нами исследованиях (Доржминчингийн, 2002; Дроздова, 2003; Лабунская, 2005) ставилась задача определения взаимосвязей между уровнем развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения и социально-психологическими, личностными особенностями субъекта. Были получены результаты, которые не позволяют сделать однозначных выводов о существовании устойчивых связей между показателями уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения и определенными социально-психологическими и личностными особенностями. По этой причине для нас остается дискуссионным вопрос о включении в структуру способности к адекватной интерпретации невербального поведения тех или иных личностных образований. Вместе с тем, мы принимаем позицию ряда авторов (Куницина, Погольша, Казаринова, 2001; Люсин, Ушаков, 2004), утверждающих, что существуют или должны существовать взаимосвязи между уровнем развития социального интеллекта и личностными особенностями, а также придерживаемся вывода о том, что на протяжении жизненного пути направление связей между компонентами способности к адекватной интерпретации невербального поведения может изменяться, трансформироваться под влиянием сочетания таких факторов, как принадлежность к определенной социальной группе, особенности социализации, опосредованные влиянием культурного фактора, воздействиями городской и сельской среды, принадлежностью субъекта к одному из типов субъектов общения в соответствии с его системой отношений и т. д. (Доржминчингийн, 2002; Дроздова, 2003; Менджерицкая, 2001; Пугачевский, 1999; Сериков, 2001; Шкурко, 1997).

Таким образом, наше представление о сложной структуре способности к психологической интерпретации невербального поведения основывается, с одной стороны, на тех особенностях невербального поведения человека, невербального выражения личности, которые описаны в разнообразных источниках (Бутовская, 2004; Екинцев, Соболева, 2004; Крейдлин, 2002, 2005; Меграбян, 2001; Экман, 2003; Bull, 1984; Palmer, Simmons, 1995), с другой стороны, в них учтены

особенности психологической интерпретации экспрессии, установления связей между внешним и внутренним, а с третьей стороны, они опираются на ряд теоретических положений, касающихся таких явлений, как социальные способности, социальный и эмоциональный интеллект. Кроме выше указанных оснований разработки и применения методики, мы также придерживаемся той точки зрения, что реальный уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения проявляется во внутригрупповом взаимодействии в приобретении личностью особого статуса – социально-перцептивного лидерства. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в литературе (Лабунская, 1999).

Для того чтобы перейти к описанию «задач», образующих методику «Диагностика уровня развития способностей к адекватной интерпретации невербального поведения», необходимо уточнить наши теоретические позиции относительно самого феномена «невербальное поведение» и феномена «интерпретация». В одной из последних книг (New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research, 2005), включающей ряд обобщающих работ, посвященных методологии и методам исследования невербального поведения, отмечается, что за последние 20 лет (точка отсчета – выход в свет первого коллективного труда (Handbook of methods in nonverbal behavior research, 1982, фиксирующего проблемы изучения невербального поведения) интерес к невербальному поведению личности и группы значительно возрос. Во многих исследованиях в качестве самостоятельного объекта рассматриваются выражения лица, контакт глаз, жесты, позы, но современное состояние психологии невербального поведения отличается от предыдущего этапа тем, что все чаще различные компоненты невербального поведения используются либо в качестве показателя, либо в качестве средства измерения, фиксации установок, стилей поведения личности, а также в качестве надежного инструмента измерения уровня развития различных способностей и умений. Авторы книги «New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research» во введении к ней утверждают, что количество публикаций увеличилось более чем в шесть раз по сравнению с 1982 г. В них представлены сведения о применении невербального поведения в качестве показателя социального развития младенцев, аттрактивности личности, меры ее убежденности в чем-либо, предубежденности, согласия, сострадания, желания помогать другим. Установлены культурные различия в экспрессивном поведении, а также описаны паттерны невербального поведения людей, отличающихся стремлением к доминированию, уровнем выраженности экстраверсии–интроверсии, зависимостью–независимостью и т.д. Все эти работы приводят к фундаментальному выводу о том, что в различных социальных контекстах невербальное поведение человека выполняет

многообразные функции, выступая одновременно и как средство познания личности, и как средство влияния, воздействия, регуляции своего и чужого поведения, как способ контроля и показатель уровня развития различных профессиональных и иных навыков и умений. Особенно следует отметить стремление западных исследователей перевести изучение невербального поведения в класс прикладных работ. Среди них важное место занимают изучение невербального поведения в контексте интраперсональной сензитивности (Hall, Bernieri, Carney, 2005), систем кодирования невербального поведения в диадах различного типа (Yoshimoto, Shapiro, Brien, Gottman, 2005), а также обсуждение вопросов, касающихся использования экспертов в целях определения основных характеристик невербального поведения участников исследований (Harrigan, 2005). Не последнее место среди прикладных работ занимают те, в которых представлены так называемые «технические подходы» к изучению кодирования и декодирования невербальной экспрессии, успешности ее распознавания и т. д. Для нас при обсуждении проблемы диагностики способности к адекватной интерпретации представляют интерес те методики, в которых так или иначе фиксируется успешность понимания, кодирования невербального поведения. Чаще всего социальные способности, проявляемые в процессе восприятия невербального поведения, обозначаются, как «интраперсональная сензитивность», «социальные умения». В статье Дж. А. Холл с соавторами (Hall, Bernieri, Carney, 2005) приводятся наиболее известные методы изучения интраперсональной сензитивности. Ниже рассматриваются те из них, которые включают ряд «задач», решение которых предполагает восприятие, распознавание, понимание, интерпретацию и кодирование экспрессии. Прежде всего, следует назвать метод PONS – «Профиль невербальной сензитивности», разработанный Розенталем с соавторами (цит. по: Hall, Bernieri, Carney, 2005). Он включает 220 аудио-, видео- и комбинированных «клипов», представляющих паттерны невербального поведения, отличающиеся степенью позитивности и доминантности. Этот тест довольно часто используется в прикладных исследованиях, подтверждающих, что лица с высоким уровнем развития сензитивности к невербальному поведению отличаются рядом качеств. Так, учителя демонстрируют более демократичное поведение, сотрудники клиник являются более успешными супервизорами и т. д. Набор «задач» используется также в тесте IPT (Interpersonal Perception Task) (Costanzo, Archer, 1989). Он состоит из видеоклипов: например, в одном из них женщина разговаривает по телефону. Нужно определить, с кем она говорит: с матерью или с бойфрендом. При предъявлении другого видеоклипа необходимо установить, рассказывает ли человек правдивую жизненную историю. В целом участник исследования должен

определить пять аспектов: степень «родства, сходства» предъявляемых людей, степень искренности их рассказов, статус, степень близости, интимности отношений, наличие конкурентности. Иными словами, все «задачи» данного теста направлены на то, чтобы зафиксировать степень выраженности умения определять отношения между людьми на основе их вербального и невербального поведения.

Тест «Диагностический анализ невербальной точности» (Diagnostic Analysis of Nonverbal Accuracy DANVA) измеряет сензитивность к невербальным проявлениям эмоций. Он включает фотоизображения эмоциональной экспрессии и аудиопредъявления эмоциональных состояний. Показатели этого теста коррелируют с показателями социальной адаптации и «ментального приспособления» – *mental adjustment*. Распространенным приемом исследования уровня развития эмпатии также является набор «задач», которые включают невербальное поведение, например, достаточно известный метод изучения эмпатической точности – *Empathic accuracy standard-cue methodology*, разработанный В. Икесом (Ikkes, 2001). В этой оригинальной технологии осуществляется измерение эмпатической точности на основе видеозаписей разговоров участников исследования. Экспериментатор приглашает двух участников исследования, которые ранее не были знакомы друг с другом. Под благовидным предлогом он удаляется из комнаты, в которой остается приглашенная пара, и появляется через несколько минут, сообщая о том, что эксперимент уже начался и их взаимодействие зафиксировано на видео. Затем интересуется: хотят ли участники исследования продолжать эксперимент? Если они не согласны, то видеозапись стирается. Респонденты, которые выразили желание продолжить участие в исследовании, получают задание: вначале определить те моменты видеозаписи, где, на их взгляд, они переживают определенные эмоции (сделать стоп-кадр), а затем сообщить о том, какие мысли их посещали в этот момент. Каждый из пары участников выполняет данное задание, анализируя свое поведение, а затем поведение партнера. Технология, разработанная В. Икесом, – это одна из немногих попыток использовать для изучения коммуникативной сензитивности и точности понимания невербального поведения ситуации реального общения, выявить чувствительность к своему поведению, т. е. осуществить интерпретацию экспрессивных, невербальных выражений, соотнести их с речевым поведением, а также понять на основе вербального и невербального поведения переживания, чувства и мысли другого человека. С целью изучения интерперсональной сензитивности, точности понимания невербальных выражений, регуляции отношений с помощью экспрессии применяется также известный тест MSCEIT, созданный группой авторов для диагностики эмоционального интеллекта. Основные идеи этих авторов, а также

разработанная ими модель ЭИ представлены в ряде публикаций (Андреева, 2006; Бояцис, Макки, 2007; Вайсбах, Дакс, 1998; Гоулман, Люсин, Ушаков, 2004). Мы хотели лишь подчеркнуть, что задания, входящие в этот тест, диагностируют способности к пониманию эмоциональных состояний на основе изображений эмоциональной экспрессии, что часто применяется в тестах, разработанных с целью диагностики способностей к пониманию различных компонентов невербального поведения.

Таким образом, современная психология невербального поведения предлагает довольно обширный перечень методик, направленных на решение определенных исследовательских и практических задач. Вместе с тем, данная отрасль психологических знаний сталкивается с рядом проблем, ограничивающих набор «задач» и сфер их применения. Как правило, при разработке методики делается акцент на каких-то компонентах невербального поведения (позы, экспрессия лица и т. д.). Такое ограничение методических задач обусловлено прежде всего многогранностью феномена невербального поведения, сложностью его структуры. В этой связи возникает необходимость уточнить авторский подход к самому невербальному поведению, лежащий в основе создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения».

Первая группа теоретических положений касается природы, а также диагностических и регулятивных функций невербального поведения. Из всего спектра невербального поведения человека мы выбираем экспрессивное, выразительное поведение, в обозначении которого зафиксирована главная функция любого языка, в том числе и невербального, – выражать. Одновременно понятие «экспрессивное поведение» подчеркивает непосредственную связь между внутренним миром человека и его внешним выражением. В психологии экспрессивного поведения рассматривается широкий спектр средств, с помощью которых личность выражает себя, или ее особенности могут быть восприняты наблюдателем. Главное внимание в процессе изучения экспрессивного невербального поведения уделяется таким средствам выражения личности, как мимика, жесты, позы, прикосновения, контакт глаз. В этой связи в «задачах», используемых с целью диагностики уровня развития изучаемой способности, предлагаются вышеперечисленные средства выражения личности, функционирующие в качестве целостно-динамического явления, в котором представлены индивидуальные особенности человека, его актуальные состояния, отношения, его уровень притязаний, ценностные ориентации, стиль жизни и т. д. Фундаментальной особенностью экспрессивного поведения является то, что оно есть составная часть целостного поведения личности. Как и все поведение, оно представляет собой культурно-исторический,

интерперсональный феномен. Формирование экспрессивного поведения личности, ее экспрессивного репертуара осуществляется на стыке природных форм выражения состояний, переживаний, отношений и социокультурных способов их предъявления.

Экспрессивное поведение неотделимо от личности. Оно индивидуально и неповторимо настолько, насколько индивидуальна и неповторима сама личность. Экспрессивное поведение – это инструмент познания внутреннего мира человека, потому что оно и есть часть этого мира, форма его существования. Как писал великолепный русский исследователь выразительного поведения Сергей Волконский в своих книгах «Выразительный человек» (Волконский, 1913) и «Человек на сцене» выразительное поведение – это выявление внутреннего «я» через внешнее «я». «Это есть самоизъявление, при том вечно изменяющееся» (Волконский, 1912, с. 37).

Основное свойство экспрессивного поведения – это динамика и изменение совокупности выразительных средств вслед за изменениями личности. В то же время экспрессивное поведение представляет собой целостность, состоящую из движений, отличающихся степенью интенциональности, направленности, осознанности. Наряду с устойчиво повторяющимися движениями, в него входят те элементы, которые соответствуют динамическим состояниям личности. Они, в свою очередь, накладываются на индивидуально-личностные и групповые программы экспрессивного поведения. В силу этих обстоятельств экспрессия личности не является системой кодов с жестко закрепленными значениями, а имеет поле психологических значений.

Совокупность выразительных средств, образующих структуру экспрессивного поведения, представляет из себя трудно разложимую на отдельные единицы целостность, где произвольные движения преобладают над произвольными, неосознаваемые над осознаваемыми. Поэтому экспрессивное поведение «верно передает душу во всем ее бессознательном и сознательном составе... – передает ... гораздо больше, чем сами сознают и чем могут выразить словами люди» (Ильин, 1993, с. 13). Экспрессивное поведение представлено самому субъекту общения лишь частично. Он не видит напряжения своих мышц, пластики своих поз, экспрессии своего лица (Бахтин, 1979). Партнер по взаимодействию, напротив, может наблюдать за экспрессией с помощью оптической, тактильно-кинестетической, акустической, ольфакторной систем отражения и формировать психологически многозначный образ о личности другого.

Экспрессивное поведение относится к полифункциональным явлениям, выполняющим информативные, коммуникативные, эмоциональные, когнитивные и регулятивные функции. Оно уточняет, изменяет эмоциональную насыщенность сказанного, нейтрализует

нежелательные состояния, отношения (например, агрессию). Постоянная представленность экспрессивного поведения другому («осозаемое данное» (Рубинштейн, 1940) привела к развитию таких функций экспрессии, как контроль, управление, маскировка.

Исходя из обозначенных выше характеристик экспрессивного невербального поведения, в процессе разработки методики и ее модернизации мы придерживались трактовки экспрессивного невербального поведения как невербального выражения личности, рассматривали его в качестве внешнего невербального образа Я личности, включающего осознаваемые компоненты («самоизъявление») и неосознаваемые. Через совокупность и сочетание этих компонентов (внешнее Я) проявляется «внутреннее Я», обладающее свойством «вечного изменения». Компоненты, создающие эффект «внешнего Я личности», отличаются степенью динамичности и изменчивости, обратимости–необратимости, интенсивности и непосредственности связей с внутренним миром личности. Наименее динамичны индивидуально-конституциональные характеристики человека, которые изменяются, как правило, в соответствии с законами биологического развития. К среднеустойчивым компонентам внешнего невербального образа Я личности следует отнести все способы оформления внешнего облика, динамика которых сопряжена с гендерно-возрастными, статусно-ролевыми конструктами, стилем эпохи, модой, с принятой в обществе социальной символикой. Наиболее динамичными компонентами выражения личности являются различные элементы и подструктуры выразительного, невербального поведения, которые организуются в пространственно-временные структуры и перестраиваются по ходу развития личности, интегрируя ее сознательную и бессознательную сферы. С этих позиций выразительное, невербальное поведение как компонент внешнего образа Я личности, связанный с ее устойчивыми и динамическими подструктурами, всегда выражает как осознаваемое, так и неосознаваемое самой личностью – выражает постольку, поскольку осознаваемые и неосознаваемые элементы образуют различные системы и подсистемы личности. Взаимосвязь между ними представлена в различных психологических свойствах, качествах и характеристиках личности.

Осознаваемые и неосознаваемые невербальные компоненты выражения личности, образующие внешний невербальный образ, несут информацию о темпераменте, об актуальных психических состояниях, о модальности, знаке отношения к себе и к другому, о переживаниях и стремлениях личности, о ее социальном и социально-психологическом статусе.

Следует отметить, что изменчивость невербальных компонентов внешнего Я, его связь с внутренней структурой личности постулируется во многих работах. Несмотря на обилие рассуждений о взаимо-

связях между внешним и внутренним, о невербальных экспрессивных компонентах выражения личности, проблема до сих пор остается малоизученной и порождает повторяющиеся по своему предмету дискуссии. Камнем преткновения как раз и становится сочетание таких свойств внешнего невербального Я личности, как «самоизъявление» (преднамеренность, осознанность, осмысленность и т. д.) и динамичность, неосознанность, неподвластность экспрессии самому человеку. Поэтому исследователи отмечают, что психологическую суть экспрессивного невербального поведения личности сложно как опровергнуть, так и подтвердить. Человек несет ответственность за сказанное слово, но не за свое невербальное поведение, которое не имеет безусловных формальных характеристик и остается как бы «неуловимым» как для субъекта, так и для партнера. Иными словами, подвергается сомнению вывод о том, что выразительное, невербальное поведение личности несет информацию, которая может быть зафиксирована наблюдателем и которая может получить соответствующую психологическую интерпретацию. В этой связи довольно часто обращается внимание на такие способы проникновения во внутренний мир человека, как пронизательность, интуиция, эмпатия, подчеркивается роль бессознательных механизмов познания другого человека, а рациональные механизмы понимания и интерпретации личности на основе ее внешнего невербального образа ставятся на второй план.

Критическое отношение к самому внешнему невербальному образу Я личности как способу объективизации внутреннего мира личности, как пути познания ее осознаваемых и неосознаваемых компонентов, обусловлено, во-первых, теми трудностями, с которыми столкнулись исследователи в процессе решения задач фиксации и воспроизведения паттернов невербального поведения, во-вторых, противоречивыми сведениями о непосредственности взаимосвязей между невербальным выражением и психологическими, социально-психологическими характеристиками личности, в-третьих, тем, что многие исследовательские традиции в психологии невербального поведения сложились под сильным влиянием лингвоцентрических идей анализа невербальных коммуникаций, невербальных языков общения.

Таким образом, фиксируя в данной работе отношение научного сообщества к экспрессивному поведению, к невербальному выражению, ставя вопрос о соотношении рациональных и иррациональных путей познания внутреннего мира человека, также обращая внимание на динамичность, целостность экспрессии, мы хотим подчеркнуть, что разработанные нами «задачи» отвечают только некоторым особенностям экспрессии человека. В них учитываются индикативные и регулятивные функции экспрессии, степень целостности, психологической многозначности, отсутствие вербальных эквивалентов для всех форм

экспрессивного поведения. Но в предлагаемых «задачах» не воспроизводится главное свойство экспрессии – динамичность. Оправданием для нас служит то, что фиксация невербального, выразительного поведения личности осуществляется во многих отечественных и зарубежных исследованиях на основе приема «стоп-кадр» и затем изучается с помощью метода «кадр за кадром». Превращение динамичного образования в статичное – это одна из главных трудноразрешимых проблем психологии невербального поведения, особенно в тех случаях, когда невербальное поведение используется для демонстрации и определения способностей к социальному взаимодействию.

К вышеобозначенным характеристикам экспрессивного поведения можно отнести и особенности его интерпретации и понимания. В данной работе нет необходимости останавливаться на рассмотрении различных подходов к интерпретации и пониманию как глобальным социокультурным явлениям. Напомним только о том, что для психологии социального познания, общения, в контексте которых обсуждается проблема социальных способностей, в частности, вопрос об адекватности понимания и интерпретации невербального поведения, является традиционным рассмотрение интерпретации в связи с пониманием личности партнера. Термин «интерпретация» употребляется чаще всего тогда, когда речь идет о восприятии действий, поступков, различных элементов структуры экспрессивного, невербального поведения. С интерпретацией поведения, деятельности познаваемой личности, с установлением на этой основе устойчивых характеристик соотносится адекватность понимания. В целом понимание более высоко уровня рассматривается как производная от интерпретации субъектом поведения личности, сопровождающейся проникновением в сущность ее устойчивых свойств и непреходящих состояний.

В то же время специфика понимания, интерпретации экспрессивного поведения фактически не обсуждается, несмотря на то, что в конкретных исследованиях термины «понимание» и «интерпретация» встречаются довольно часто. Одной из причин такого отношения к проблеме интерпретации в контексте психологии экспрессивного поведения является то, что усилия исследователей, главным образом, направлены на поиск однозначных связей между экспрессией лица и психическими состояниями человека. Такой подход как бы не предполагает обращения к интерпретации, которая, как известно, в гуманитарных науках сводится к разнообразным формам толкования, трактовки, перевода содержания того или иного явления в систему образов, наглядных представлений и редуцируется к личному опыту, субъективному мнению. В конкретных исследованиях наблюдается отождествление восприятия, понимания и интерпретации как поиска жестких связей между экспрессией и психологическими характерис-

тиками личности, что снимает саму проблему интерпретации или сводит ее к узкому аспекту – декодированию. Сведение интерпретации к декодированию не соответствует природе самого экспрессивного, невербального поведения, его особому психосемиотическому статусу, тому, что в общении оно всегда представлено другому и функционирует, главным образом, для него: «...мы сплошь и рядом производим то или иное выразительное движение именно потому, что, как мы знаем, оно имеет определенное значение для других» (Рубинштейн, 1940, с. 400). Но из этого не следует, что круг «психологических значений» экспрессии является определенным. Наоборот, зависимость выбора «психологического значения» экспрессии от ситуации общения, от позиции в ней «другого» делает неизбежным процесс актуализации интерпретационных процессов, обладающих качеством бесконечности, незавершенности, многозначности. Следовательно, недостаточно корректно приписывать результатам данного процесса такую характеристику, как точность – более целесообразно использовать такую характеристику, как адекватность.

Интерпретация – это всегда привнесение личностного опыта, она строится на актуализации тех связей, которые сформировались у субъекта понимания. Поэтому в определении интерпретации акцент переносится с особенностей объекта на самого субъекта, в ней заложен акт самоопределения в отношении общения и личности другого человека. Особенно хорошо о творческом характере межличностного познания сказал Я. Мелибруда: «Восприятие и понимание людей скорее напоминают процесс создания картин художником или фильма режиссером, чем записывание на магнитофон или процесс фотографирования» (Мелибруда, 1986, с. 173). О включении воображения субъекта в процесс интерпретации поведения и понимания личности партнера также пишет А. А. Бодалев (Бодалев, 1983). В целом, «чтение», интерпретация поведения протекает бегло постольку, поскольку в процессе общения у человека вырабатывается более или менее автоматически функционирующий «психологический подтекст» к поведению окружающих. Но стоит человеку отойти от «само собой разумеющейся манеры поведения», как процесс интерпретации выдвигается на передний план, превращается в целенаправленный и осознанный акт (Бодалев, 1983).

Таким образом, для того чтобы установление связей между невербальным поведением и психологическими особенностями личности осуществлялось осознанно, необходимо возникновение в общении проблемы, задачи. Следовательно, с целью определения уровня развития способности к адекватному пониманию и интерпретации невербального поведения надо вводить в качестве методического приема социально-перцептивные, коммуникативные задачи. Учитывая, что невербальное поведение является специфической системой знаков,

состоящей из устойчиво повторяющихся движений, и тех, появление которых определяется ситуацией, включающей индивидуально-личностные и групповые программы поведения, установление связей между ним и психологическими характеристиками личности не всегда будет приводить к точному пониманию. С этой точки зрения, высвечивается еще одна сторона связи интерпретационных процессов с пониманием личности. Они могут рассматриваться как интерпретационные схемы, обеспечивающие или затрудняющие точность, адекватность понимания. Данный вывод подтверждается эмпирическими исследованиями, в которых изучалось взаимодействие процессов кодирования и интерпретации невербального поведения, связь различных характеристик обозначенных процессов с показателями уровня развития способности к адекватному пониманию невербального поведения (Дроздова, 2003; Пугачевский, 1999; Сериков, 2001; Шкурко, 1997).

Наряду с этим хотелось бы отметить, что в наших работах интерпретация рассматривается как творческий, мыслительный процесс, направленный на реконструкцию не всегда очевидных психологических и социально-психологических значений, смыслов невербального поведения, на установление связей между ним и психологическими, социально-психологическими характеристиками личности, группы. Такая трактовка допускает вербальное означивание невербального поведения в терминах психологических и социально-психологических характеристик личности и группы. Анализ интерпретации и интерпретационных схем посредством вербальных значений соответствует также признанному в отечественной психологии факту: собственно человеческое восприятие, осуществляемое на базе социально выработанных эталонов, существует, прежде всего, на базе языка. Словесные обозначения в интерпретации нужно понимать не как отдельный от нее процесс, а как процесс, включенный в интерпретационную деятельность. Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что вербализация смыслов и значений зависит от уровня развития языковых способностей субъекта, его вербального репертуара. Не менее важным является и то, что тезаурус психологических значений невербального поведения формируется в обыденном общении и отражает уровень обыденного сознания. Полностью преодолеть влияние этих факторов на процедуру вербального означивания связей невербального поведения с психологическими характеристиками личности и группы практически невозможно.

При всей очевидности и возможности изучения интерпретации на основе вербальных значений следует также помнить об особенностях самого невербального поведения: значительная его часть трудно переводится в код любого языка без потери его смысла для партнеров. В общении невербальное поведение, становясь объектом анализа парт-

неров, получает многозначную трактовку, охватывающую различные личностные и групповые характеристики. В свою очередь, вербальные значения представляют не только социально фиксированные формы знания, но и особенности индивидуального сознания. Все это требует разработки специальных методов исследования интерпретации невербального поведения в межличностном общении с целью определения круга его психологических и социально-психологических значений, которые могли бы быть использованы для выявления уровня адекватности интерпретации невербального поведения, определяемого на основе вербальных и невербальных результатов решения ряда «задач». При этом поиск психологического значения может осуществляться посредством анализа ситуации, ожидаемого действия партнера, на основе переживаний того человека, который воспринимает психическое состояние другого. Поэтому процесс интерпретации может завершаться не только выбором определенных психологических значений связей между внешним и внутренним, но и определением ситуации, стимулов, предполагаемых действий и других атрибутов общения. Партнеры обращаются к различным «ситуативным ключам» в момент интерпретации и понимания невербального поведения не только потому, что его психологическая суть трудно поддается вербализации, но и потому, что общение и невербальное поведение взаимосвязаны, что наблюдаемое, интерпретируемое невербальное поведение есть результат взаимодействия личности и ситуации общения.

Исходя из вышесказанного, в качестве показателя адекватности интерпретации невербального поведения в наших работах рассматривались не только психологические значения, соответствующие состояниям, отношениям личности, но и обозначения ситуации и действий партнеров. Перечень «психологических значений» невербального поведения, включающий обозначения психологических и социально-психологических особенностей личности, выявляемых на основе ее невербального поведения, а также фиксирующий характеристики ситуации общения и действия партнеров, был определен с помощью разработанной нами методики «Свободной семантической оценки невербального поведения» (Лабунская, 1999).

В основу разработки данной методики легли те теоретические положения, которые обсуждались в связи с проблемой интерпретации и понимания невербального поведения. Кроме этого, при создании данной методики были учтены теоретические выводы: 1) о различных индикативных и функциональных возможностях невербального поведения и невербальной интеракции; 2) о невербальном поведении как личностном образовании, свидетельствующем о действиях, состояниях, интеллектуально-волевых процессах, качествах личности, ее отношениях, формах взаимодействия с другими людьми, статусе,

социальной роли; 3) о невербальном поведении как полисемантическом явлении, интерпретация которого должна не только отражать социально-фиксированные формы значений, но и включать их индивидуальные варианты; 4) о наличии в структуре интерпретации невербального поведения как когнитивных (содержательных), так и эмоционально-оценочных суждений; 5) о различных способах интерпретации, отражающих взаимодействия невербального поведения и общения; 6) о «вербальном значении» как константном психологическом образовании, которое выражает осознанный опыт установления связей между невербальным поведением и психологическими характеристиками личности и группы.

В отличие от большинства методов, применяемых для диагностики опознания, понимания, интерпретации невербального поведения, разработанная нами методика «Свободной семантической оценки невербального поведения» включает изображения индивидуального невербального поведения и невербальной интеракции, их элементов (поза, мимика, жест); список предназначенных для идентификации невербального поведения категорий не задается. Тем самым снимаются искусственно созданные экспериментаторами вербальные ограничения и выясняются те психологические значения невербального поведения, которые актуализируются спонтанно, отражают опыт индивида по установлению связей между объектными и субъектными признаками человека. Поэтому методика и получила название «Свободной семантической оценки невербального поведения». Основное ее назначение – вскрыть структуру и содержание психологической интерпретации индивидуального поведения и невербальной интеракции, а затем на основе полученных данных создать перечень «психологических значений» невербального поведения и невербальной интеракции, выбор которых бы свидетельствовал об адекватности интерпретации невербального поведения. Подробное описание методики «Свободной семантической оценки невербального поведения» приводится в другой нашей работе (Лабунская, 1999). Здесь же хотелось бы обратить внимание на то, что на основе полученных данных и соответствующей математической обработки были составлены схемы «полей» психологических значений невербального поведения. В центре «семантического поля» находятся значения, имеющие высший ранг; второй и третий круг образуют значения, ранги которых достоверно отличаются как от рангов значений, составляющих ядро, так и от тех, которые находятся на периферии. Иными словами, чем дальше «круг значений» от центра «поля», тем ниже вероятность появления входящих в него значений в момент восприятия и интерпретации связей между невербальным поведением и социально-психологическими особенностями личности и невербальной интеракции.

Устойчивость схем «полей» психологических значений невербального поведения была проверена при повторном опросе экспертов (60 человек) через месяц после их участия в эксперименте. Коэффициент устойчивости оказался равен 0,80. Следовательно, можно считать, что каждый вид невербального поведения актуализирует определенное «поле» психологических значений, в пространстве которого размещаются различные психологические характеристики личности и группы.

Результаты математической обработки подтверждают теоретический вывод о том, что индивидуальное невербальное поведение и невербальная интеракция представляют собой различные объекты интерпретации и понимания. Они относятся к различным классам «задач», решение которых фиксирует психологический и социально-психологический уровни интерпретации невербального поведения. Иерархия психологических значений каждого вида невербального поведения отражает его полифункциональность. В зависимости от вида кинесико-проксемических компонентов невербального поведения поле его психологических значений переструктурируется. Интерпретационное поле поз человека включает, главным образом, психологические значения, соответствующие отношениям, эмоциональной сфере личности, ее статусу. Мимика рассматривается, в первую очередь, как знак эмоциональных состояний, интеллектуально-волевых процессов. Индивидуальное невербальное поведение с одинаковой вероятностью актуализирует психологические значения, относящиеся к интеллектуально-волевым процессам, эмоциональным состояниям, отношениям личности. Невербальная интеракция служит показателем разворачивающихся в группе социально-психологических процессов. Повторим еще раз: выявленные психологические значения для каждого вида невербального поведения были использованы нами в качестве критериев (показателей) адекватности интерпретации невербального поведения, а «задачи» отличались предлагаемыми для восприятия формами невербального поведения.

Таким образом, на пути создания методики «Диагностика уровня развития способности к интерпретации невербального поведения» был преодолен ряд ограничений. Они возникли в результате сложности как самого феномена «невербальное поведение», его интерпретации, понимания в непосредственном общении, так и в силу многокомпонентности самой способности к интерпретации невербального поведения, входящей в состав социального, эмоционального интеллекта. Первое ограничение, которое было снято нами, мы назвали «индивидуалистической редукцией»: в качестве стимульного материала в исследованиях используются, главным образом, отдельные элементы невербального поведения и практически не применяется невербальная интеракция,

невербальное поведение группы. В разработанной нами методике присутствуют «задачи», включающие как индивидуальное невербальное поведение, так и невербальную интеракцию. Второе ограничение, порожденное поиском жестких связей между невербальным поведением и психологическими особенностями личности, состоит в том, что «точное, правильное» значение невербального поведения – это значение из тезауруса исследователя, не учитывающего обыденные выражения и возможное «поле значений». Данное ограничение было преодолено за счет определения круга значений, отражающих уровень адекватности интерпретации невербального поведения. Третье ограничение, названное нами «психологическая редукция», состоит в поиске только собственно психологического содержания интерпретации невербального поведения и, соответственно, понимания (эмоции, состояния). Данное ограничение было преодолено не только за счет введения в качестве стимульного материала невербальной интеракции, но и за счет включения в пространство значений тех, которые указывают на социально-психологические особенности (отношения, способы и формы взаимодействия, статус и т.д.). Четвертое ограничение, возникшее в результате преувеличения роли когнитивных процессов и недооценки эмоциональных и регулятивных компонентов, было частично преодолено с помощью включения «задач», решение которых предполагало не только вербализацию психологических и социально-психологических особенностей личности на основе ее невербального поведения, но и использование экспрессии для регуляции отношений, взаимоотношений без их определения на вербальном уровне. Пятое ограничение – сведение способности к интерпретации невербального поведения главным образом к распознаванию, к «импресивной» или «эмпатийной» способностям, было преодолено в результате трактовки способности к адекватной интерпретации невербального поведения как многокомпонентной способности.

В соответствии с представлением о различных способностях, образующих способность к адекватной интерпретации невербального поведения, был определен перечень социально-перцептивных, коммуникативных задач. Они отличаются по формальным параметрам (виды невербального поведения), по содержательным (психологические, социально-психологические характеристики личности, диады, группы) и по функциональным параметрам: задачи на идентификацию экспрессии, задачи на кодирование (функция контроля своих невербальных выражений) и задачи на регуляцию отношений в диаде, группе. «Задачи», входящие в методику, отличаются также по способам репрезентации решения задачи: вербальным и невербальным. Так, адекватность интерпретации устанавливалась: 1) на основе вербализации психологического и социально-психологического содержания невербального

поведения (круг психологических значений); 2) сравнения и выбора форм невербального поведения, соответствующих друг другу по психологическому значению; 3) на основе выбора определенных паттернов экспрессивного поведения с целью «регуляции» отношений в диаде в позитивную и негативную сторону; 4) на основе определения взаимосвязей между невербальным и вербальным поведением изображенного человека; 5) в качестве критерия успешности кодирования рассматривалось кодирование лицевой экспрессии, соответствующей четырем базовым эмоциональным состояниям. Процедура определения успешности кодирования осуществлялась следующим образом. Респонденты должны были смоделировать эмоциональную экспрессию, которая фиксировалась, а затем предьявлялась им в виде фотоизображения. Таким образом, участники исследования интерпретировали собственное экспрессивное поведение – экспрессивные коды. Результаты интерпретации сопоставлялись со списком эмоциональных состояний, экспрессию которых должен был смоделировать (кодировать) участник исследования (Дроздова, 2003; Дроздова, Лабунская, 2003). На основе данной процедуры вычислялся индекс успешности кодирования экспрессии эмоциональных состояний, указывающий на уровень развития способности контролировать свое экспрессивное поведение.

Таким образом, современный вариант методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» включает 9 «задач», объединенных в четыре группы, решение которых указывает на уровень развития ряда способностей. **Первая группа «задач»** включает «задачу-1» на диагностику адекватности интерпретации состояний и отношений человека на основе его позы; «задачу-2» на диагностику интерпретации эмоциональных состояний человека на основе его мимики; «задачу-3» на диагностику адекватности интерпретации интеллектуально-волевых эмоциональных состояний и отношений на основе индивидуального невербального поведения; «задачу-4» на диагностику адекватности интерпретации отношений, взаимоотношений людей, включенных в невербальную интеракцию (диада, группа); «задачу-5» на диагностику адекватности интерпретации невербального поведения с помощью определения связей и отличий между психологическим содержанием различных элементов невербального поведения. Данная задача отличается от предыдущих четырех тем, что ее решение не предполагает вербального ответа. Уровень адекватности определяется на основе соответствия психологической модальности поз и выражений лица. Показателем степени соответствия является выбор экспрессии лица, адекватный психологическому значению позы.

Таким образом, первая группа включает 5 задач, отличающихся одна от другой предлагаемыми для интерпретации формами невер-

бального поведения; направленностью, уровнем интерпретации: психологическим и социально-психологическим; способами репрезентации решения задач: вербальным и невербальным. На основе показателей успешности решения этих задач определяется уровень развития способности к адекватной интерпретации различных форм невербального поведения – вербальной и невербальной идентификации психологических и социально-психологических особенностей на основе индивидуального и группового невербального поведения.

Вторая группа «задач» направлена на диагностику способности к адекватной регуляции отношений в диаде и группе с помощью выбираемых экспрессивных паттернов. В нее входит «задача-6», решение которой свидетельствует об умении регулировать отношения в эмоционально-отрицательную сторону; «задача-7», фиксирующая наличие умения регулировать отношения в диаде, группе в эмоционально-положительную сторону с помощью выбираемых экспрессивных паттернов.

Третий тип «задач» направлен на диагностику уровня развития способности устанавливать адекватные связи между вербальным и невербальным поведением человека – «задача-8».

Четвертый тип «задач» направлен на диагностику способности кодировать экспрессию эмоциональных состояний, контролировать свое экспрессивное поведение – «задача-9».

На этапе разработки методики была определена последовательность предъявления «задач» участникам исследования. В результате наблюдения за поведением респондентов было установлено, что они утомляются и начинают раздражаться, если первые пять задач предъявляются в той последовательности, которая приведена выше. Как выяснилось из бесед с участниками исследования, утомление наступало из-за того, что решение этих задач надо было представить в вербальной форме. Для того, чтобы решение предлагаемых «задач» не порождало дополнительного интеллектуального и эмоционального напряжения, был отработан оптимальный вариант их предъявления. Они чередовались в соответствии со способами репрезентации решений. Ниже приводятся инструкции к каждой задаче, их номер, соответствующий порядку предъявления, демонстрационный материал, показатели адекватности интерпретации (идентификации), регуляции, кодирования и контроля экспрессии.

Первая группа задач. Условное название первой задачи – «позы». Инструкция к задаче: «Определите, какому состоянию человека, его отношению к другому человеку соответствует эта поза». Участнику исследования последовательно предъявляются шесть поз (см. рисунки 1.1–1.6). Ответы оцениваются по трехбалльной системе: 3 балла получает респондент в том случае, если при предъявлении позы 1.1

указывает на высокомерие, пренебрежение, самоуверенность (одно из значений); если поза 1.2 трактуется как растерянность, удивление, непонимание; поза 1.3 определяется как смущение, застенчивость, печаль; поза 1.4 получает психологические значения ожидания, неуверенности, тревожности; поза 1.5 понимается как удивление, недоумение, нерешительность; поза 1.6 определяется как виноватый, убитый горем, стыдливый. 2 балла получает респондент, если он не указывает прямо на психологические значения позы, а называют ситуацию, в которой она встречается, речевое сопровождение, стимул. 1 балл присваивается тем ответам, которые несут элемент психологической интерпретации, но не соответствуют направлению психологического анализа, заданного инструкцией к задаче.

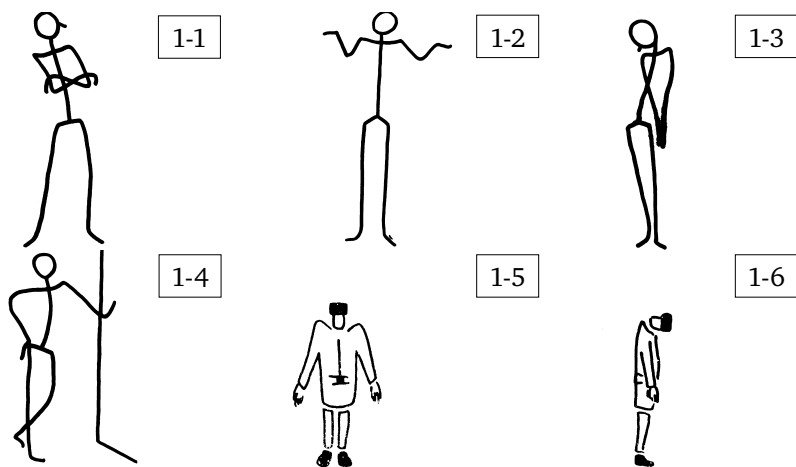

Рис. 1. Стимульный материал к первой задаче

Условное название второй задачи – «мимика–жесты». Инструкция: «Определите, какому интеллектуально-волевому состоянию соответствует выразительное поведение человека, изображенного на картинке, назовите эмоциональные оттенки этого состояния». Участнику исследования последовательно предъявляются шесть изображений индивидуального невербального поведения. Ответы оцениваются по трехбалльной системе (см. рисунки 2.1–2.6). 3 балла респондент получает в том случае, если в ответ на предъявление картинки он называет следующие интеллектуально-волевые состояния и их эмоциональные оттенки: 2.1 – размышление–задумчивость (нейтральное состояние, спокойствие, уравновешенность); картинка 2.2 – размышление–задумчивость (страх, тревога, отчаяние); картинка 2.3 – размышление–задумчивость (страдание, грусть, печаль); картинка 2.4 –

размышление–задумчивость (угроза, гнев, решительность); картинка 2.5 – размышление–задумчивость (удивление, растерянность, вопрос); картинка 2.6 – размышление–задумчивость (восторг, радость, «озарение»). 2 балла респондент получает тогда, когда указывает только на интеллектуально-волевое состояние. 1 балл присваивается тем ответам, которые несут элемент психологической интерпретации, но не соответствует направлению психологического анализа, заданного инструкцией к задаче.

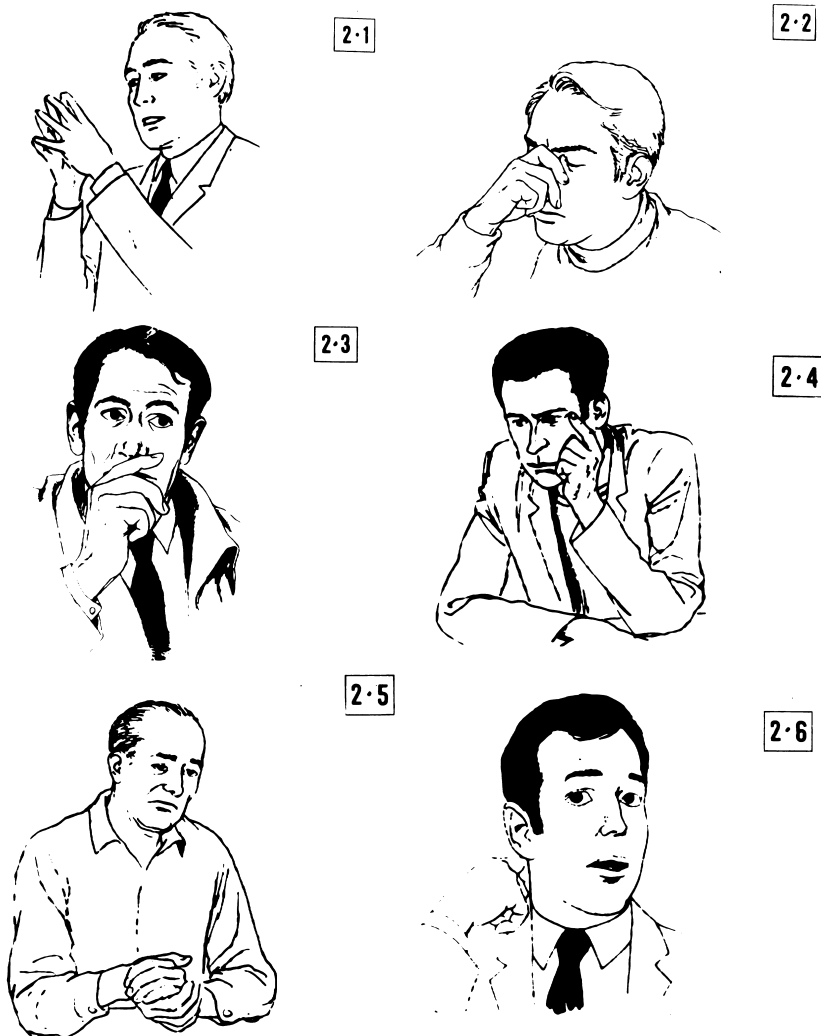

Рис. 2. Стимульный материал ко второй задаче

Условное название третьей задачи – «мимика». Инструкция: «Определите по выражению лица (женщины, мужчины) эмоциональное состояние». Ответы оцениваются по трехбалльной системе (см. рисунки 3.1–3.12). 3 балла респондент получает за ответ, если его психологическое значение соответствует следующим эмоциональным состояниям: 3.1 – радость; 3.2 – удивление; 3.3 – страдание; 3.4 – страх; 3.5 – гнев; 3.6 – презрение (женские портреты); 3.7 – радость; 3.8 – удивление; 3.9 – страх; 3.10 – гнев; 3.11 – презрение; 3.12 – страдание (мужское лицо). 2 балла ставится за ответ тогда, когда респондент не указывает прямо на психологическое значение экспрессии лица, а называет ситуацию, в которой она встречается. 1 балл присваивается тем ответам, которые несут элемент психологической интерпретации, но не соответствуют направлению психологического анализа, заданного инструкцией к задаче.

Рис. 3. Стимульный материал к третьей задаче

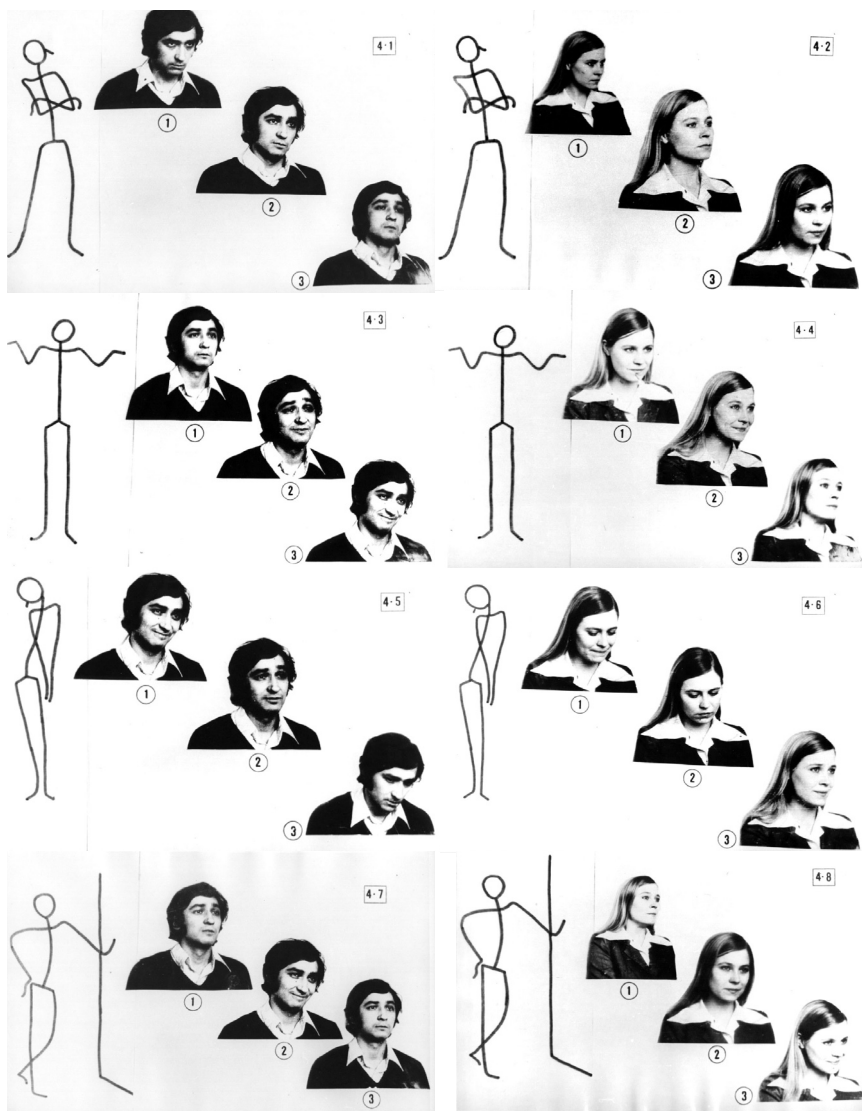

Рис. 4. Стимульный материал к четвертой задаче

Условное название четвертой задачи – «поза–лицо». Инструкция: «Подберите к изображенной позе соответствующее ей выражение лица». Участнику эксперимента последовательно предъявляются восемь изображений. Они состоят из четырех поз, которые имеют четкие различия в психологических значениях (различия определены на этапе разработки методики «Свободная семантическая оценка не-

вербального поведения»). К каждой позе предлагается набор из трех выражений лица. Поза предъясвляется дважды. В одном случае с ней надо соотнести экспрессию женского лица, а в другом случае – экспрессию мужского лица. Таким образом, четвертая задача состоит из восьми предъясвлений фотоизображений (см. рисунки 4.1–4.8). Оценка ответов на четвертую задачу приведена в таблице 1.

Таблица 1
ОЦЕНКА ОТВЕТОВ НА ЧЕТВЕРТУЮ ЗАДАЧУ

Номер фотообъекта	Номер изображения экспрессии лица		
	3 балла	2 балла	1 балл
4.1	3	1	2
4.2	2	3	1
4.3	3	2	1
4.4	2	1	3
4.5	3	1	2
4.6	2	1	3
4.7	1	2	3
4.8	1	2	3

Вторая группа задач. Условное название пятой задачи – «конфликт» (порядок предъясвления – 5 задача). Инструкция: «Перед вами картинка, на левой стороне которой изображена конфликтная ситуация. Прочитайте слова, сказанные одним из ее участников другому. Подберите ему такое выражение лица, которое бы усилило конфликт, привело к ссоре». Участнику исследования последовательно предъясвляются фотообъекты, которые представляют собой рисунки из теста Розенцвейга (конфликтные ситуации) и девять выражений мужского и женского лица (см. рисунки 5.1–5.5). Оценка ответов представлена в таблице 2.

Таблица 2
ОЦЕНКА ОТВЕТОВ НА ПЯТУЮ ЗАДАЧУ

Номер фотообъекта	Номер изображения экспрессии лица				
	5баллов	4 балла	3 балла	2 балла	1 балл
5.1	1	6	9	2	8
5.2	6	7	8	3	1
5.3	5	6	3	1	2
5.4	4	2	5	1	7
5.5	8	1	7	4	3

Условное название шестой задачи – «Согласие» (порядок предъясвления – 6 задача). Инструкция: «Перед вами картинка, на левой

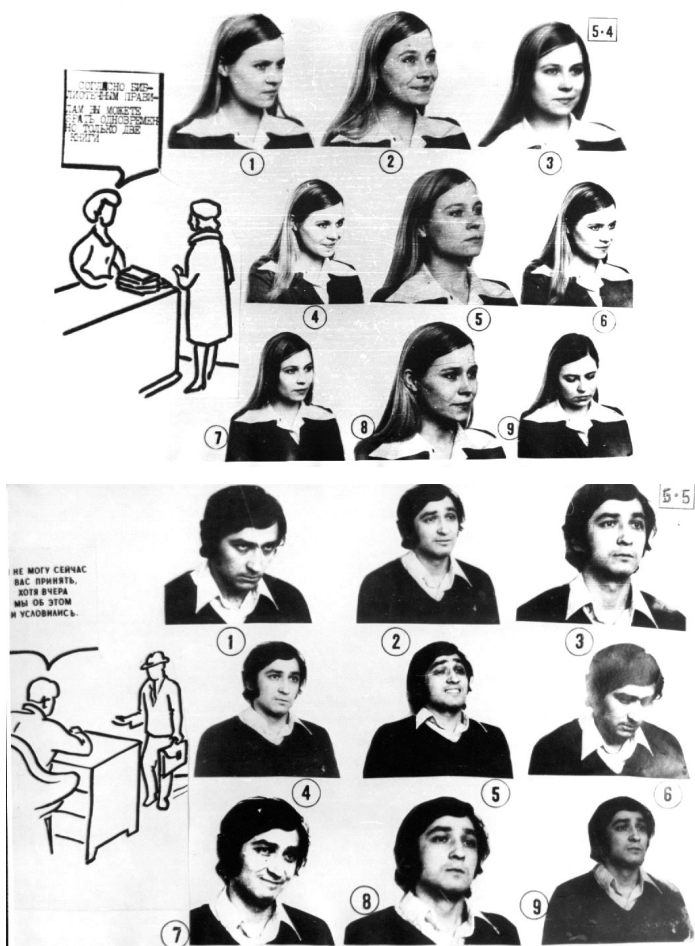

Рис. 5. Стимульный материал к пятой и шестой задачам

стороне которой изображена конфликтная ситуация. Прочитайте слова, сказанные одним из ее участников другому. Подберите ему такое выражение лица, которое бы максимально способствовало разрешению конфликтной ситуации». Участнику эксперимента последовательно предъявляются фотообъекты, которые представляют из себя рисунки из теста Розенцвейга (конфликтные ситуации) и девять выражений мужского и женского лица (см. рисунки 5.1–5.5). Оценка ответов представлена в таблице 3.

Условное название седьмой задачи (порядок предъявления – 7 задача) – «диада–группа». Инструкция: «Определите по выразительному поведению изображенных на картинке людей тип отношений

Таблица 3

ОЦЕНКА ОТВЕТОВ НА ШЕСТУЮ ЗАДАЧУ

Номер фотообъекта	Номер изображения экспрессии лица				
	5 баллов	4 балла	3 балла	2 балла	1 балл
5.1	7	3	5	4	8
5.2	9	5	2	4	1
5.3	9	7	3	2	1
5.4	9	8	6	3	7
5.5	6	5	2	9	3

между ними, их социальный статус». Участнику исследования последовательно предъявляются шесть изображений диады, группы (см. рисунки 6.1–6.6). Ответы оцениваются по 5-балльной системе. 5 баллов получает участник эксперимента, если точно выполняет инструкцию, называет отношения, статусы партнеров (таблица 4).

Таблица 4

ОЦЕНКА ОТВЕТОВ НА СЕДЬМУЮ ЗАДАЧУ

Номер фотообъекта	Правильный ответ (5 баллов)
6.1	Отношения: напряженные, неравные, закрытые Статусы: лев. – вышестоящий; пр. – нижестоящий Состояния: лев. – доминантность, враждебность; пр. – неуверенность, просьба, заискивание
6.2	Отношения: враждебные, напряженные, конфликтные, агрессивные Статусы: равное положение Состояния: фрустрация, неудача, самоконтроль, напряжение
6.3	Отношения: доверительные, дружеские, симпатия, поддержка Статусы: равное положение Состояния: доверие, симпатия, удовлетворение
6.4	Отношения: напряженные, борьба, превосходство, агрессивные Статусы: центр. – аутсайдер, выключен из ситуации; лев. – владеет ситуацией; лев. и пр. – на дистанции Состояния: недоверие, агрессия
6.5	Отношения: дружеские, доверительные Статусы: равное положение Состояния: удовлетворение, самодовольство
6.6	Отношения: разрозненные, высокомерие, равнодушие, закрытые Статусы: крайний лев. – нижестоящий, проситель; остальные – вышестоящие Состояния: неудовольствие, агрессия, высокомерие

В 4 балла ответ оценивается тогда, когда определяются либо отношения, либо социальные роли (задача решается частично). В 3 балла

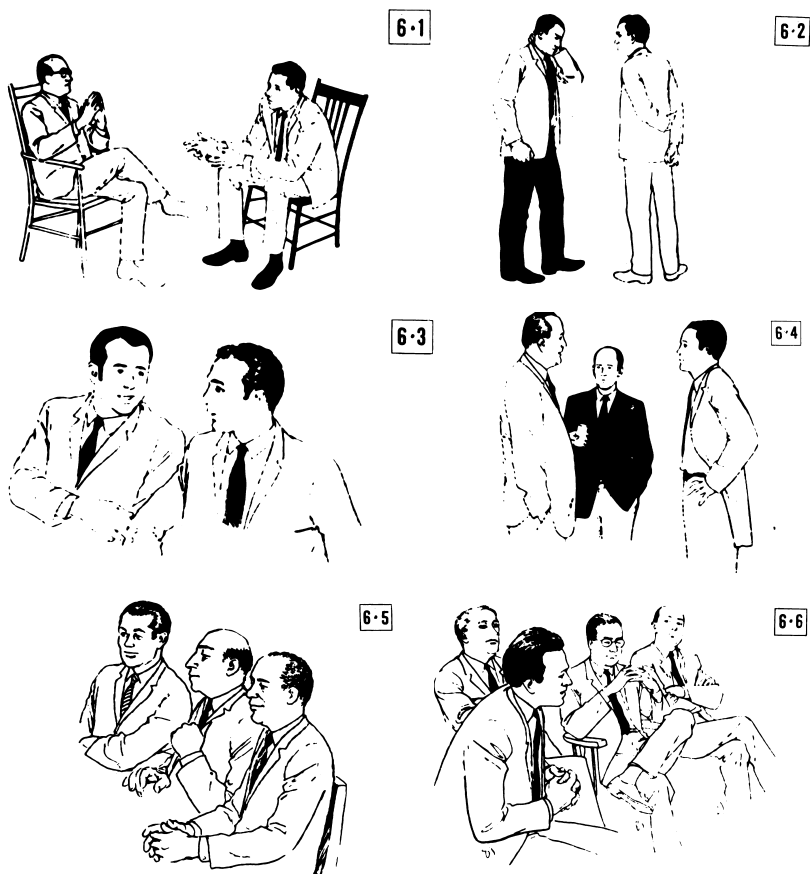

Рис. 6. Стимульный материал к седьмой задаче

оценивается ответ, если вместо определения отношений респондент указывает на состояния изображенных людей. 2 балла присваивается ответу, в котором на отношения, статусы изображенных людей указывается не прямо, а через анализ ситуации предполагаемого вербального диалога, причин взаимодействия, демонстрируется решение задачи. 1 балл ставится за ответ в том случае, если он несет элемент психологической интерпретации, но не соответствует направлению анализа, заданного инструкцией к задаче.

Третий тип задач. Условное название восьмой задачи – «мимика–реплика» (см. рисунки 7.1–7.2). Инструкция: «Посмотрите на картинку, прочитайте фразы под номерами 1–4. Подберите к выражению лица соответствующую им фразу». Участнику исследования предъявляются последовательно два фотообъекта, на которых даны четыре выраже-

ния лица. В центре картинки написаны четыре фразы. Фотообъекты отличаются только тем, что в одном случае они состоят из изображений экспрессии женского лица, а в другом случае – из изображений экспрессии мужского лица. Правильное распределение речевых фраз в соответствии с выражением лица приводятся в таблице 5. Оценка ответов осуществляется по типу «правильно–неправильно».

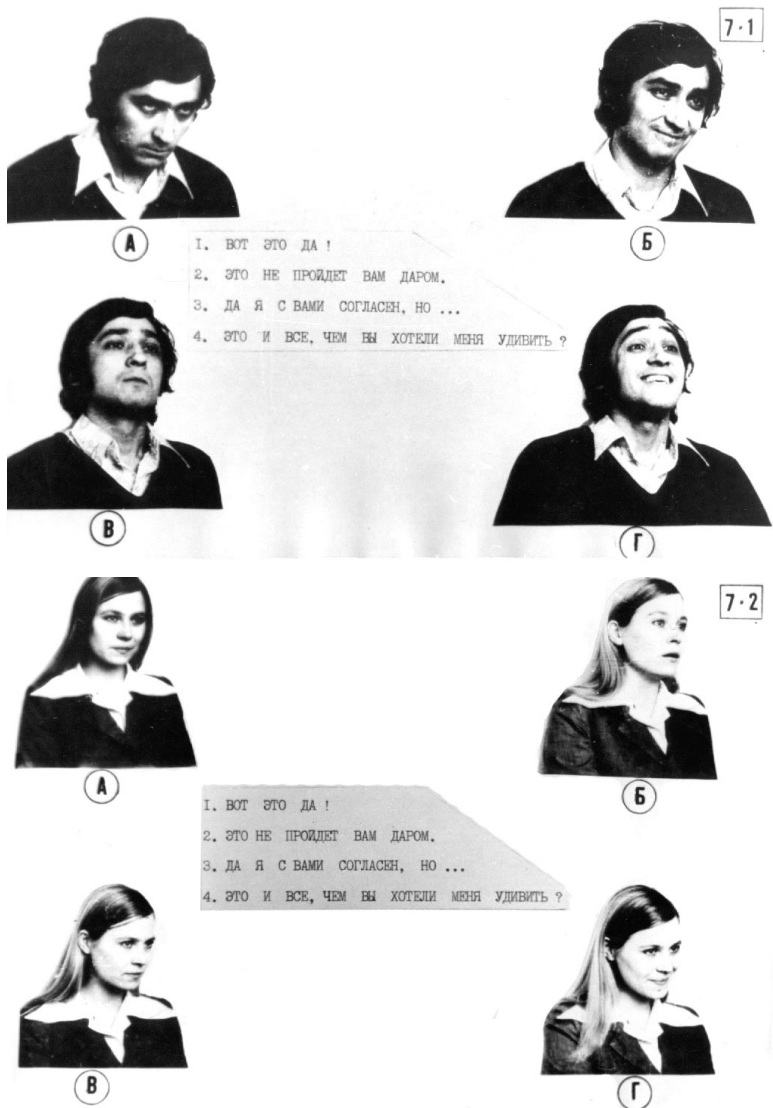

Рис. 7. Стимульный материал к восьмой задаче

Таблица 5
Правильные ответы на восьмую задачу

Номер фотообъекта	Номер фразы, индекс выражения лица			
	А	Б	В	Г
7.1	2	4	3	1
7.2	2	1	4	3

Четвертый тип задач. Условное название девятой задачи – «кодирование экспрессии базовых состояний». Процедура кодирования заключается в том, что каждому участнику исследования предлагается последовательно выразить с помощью лицевой экспрессии четыре базовых эмоциональных состояния, заданных экспериментатором: радость, страх, гнев, печаль. Коды экспрессии фиксируются с помощью цифровой фотокамеры и затем через 10–15 минут воспроизводятся на мониторе компьютера и предъявляются субъекту кодирования со следующей инструкцией: «Вы видите фотоизображения лицевой экспрессии эмоциональных состояний. Ваша задача заключается в том, чтобы определить, какое эмоциональное состояние представлено на фотоизображении». Ответы участников исследования не ограничивались списком эмоциональных состояний. Необходимо было назвать то эмоциональное состояние, которое, по мнению участника исследования, представлено на фотографии. В качестве критерия успешности кодирования экспрессии состояний был выбран показатель «индекс частоты соответствия распознавания экспрессии эмоционального состояния, изображенного на фотоснимке, списку эмоциональных состояний, заданных экспериментатором». Ответы сопоставляются со списком эмоциональных состояний, экспрессию которых должен был смоделировать участник исследования. Если он давал ответ, соответствующий предлагаемым эмоциональным состояниям, то субъекту кодирования присваивался 1 балл, в случае несовпадения ответа – 0 баллов. В качестве правильных ответов рассматривались также слова-синонимы: радость–веселье; страх–испуг; гнев–злость; печаль–грусть.

Обработка результатов решения всех «задач», включенных в методику «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения», включает три этапа. На первом этапе для каждого испытуемого определяется суммарный балл, полученный в процессе решения каждой задачи. На втором этапе с целью сравнения успешности решения вышеперечисленных задач первичные суммарные оценки переводятся в 20-балльную шкалу (см. таблицу 6).

На третьем этапе определяется уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения (см. табли-

цу 7). Максимально возможный показатель успешности решения той или иной задачи – 20 баллов. Следовательно, максимальное количество баллов, которое может набрать один участник исследования, равно 180 баллам.

Таблица 6

Коэффициенты перевода суммы первичных баллов, полученных за решение каждой задачи, в 20-балльную шкалу (нумерация задач соответствует порядку их предъявления)

№ задачи	Коэффициенты перевода суммы первичных баллов в 20-балльную шкалу
1	1,66
2	1,11
3	0,55
4	0,83
5	0,66
6	0,8
7	0,8
8	2,5
9	2,5

Таблица 7

СТАНДАРТЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

Психометрические показатели	№ задачи							
	1	2	3	4	5	6	7	8–9
Средняя	14,0	12,0	12,0	13,0	11,0	10,0	12,0	10,0
Дисперсия	3,7	3,2	2,6	2,8	3,0	3,5	3,0	4,5
Вариации	0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,4

В соответствии с расчетами, приведенными в таблице 7, диапазон оценок, соответствующих среднему уровню развития способности к интерпретации невербального поведения, включает показатели от 80 до 124 баллов. Интервал в 20,8 балла положен в основу выделения низкого, ниже среднего, выше среднего, высокого уровней развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
 Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.
 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979.
 Бодалев А. А. Личность и общение. М.: Изд-во Моск. ин-та, 1983.
 Бояцис Р., Макки Э. Резонансное лидерство. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

- Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004.
- Вайсбах Х., Дакс У. Эмоциональный интеллект. М.: Лик Пресс, 1998.
- Волконский С. Выразительный человек. СПб., 1913.
- Волконский С. Человек на сцене. СПб., 1912.
- Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Доржминчингийн Д. Особенности распознавания лицевой экспрессии российскими и монгольскими старшеклассниками: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2002.
- Дроздова И. И. Кодирование и интерпретация экспрессии эмоциональных состояний субъектами педагогического общения: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Дроздова И. И., Лабунская В. А. Социально-психологические особенности субъектов педагогического общения с различным типом соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний // Северо-Кавказский психологический вестник. Ростов-на-Дону, 2003. № 1. С. 248–259.
- Екинцев В. И., Соболева М. А. Психология понимания человека человеком: взаимодействие и организация знаний. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2004.
- Зинченко В. П. Психология на качелях между душой и телом // Человек. 2005. № 2. С. 92–102; № 3. С. 46–57.
- Ильин И. А. О связанности людей в добре и зле // Психологический журнал. 1993. № 2. С. 131–135.
- Крейдлиן Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Крейдлиן Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Куницина В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
- Лабунская В. А. Особенности развития способности к психологической интерпретации невербального поведения // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 70–77.
- Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- Лабунская В. А. Проблема обучения кодированию – интерпретации невербального поведения // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 84–94.
- Лабунская В. А. Социально-психологические и гендерные особенности кодирования и интерпретации экспрессии в педагогическом общении // Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. СПб.: Речь, 2005. С. 207–220.

- Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–38.
- Люсин Д. В., Ушаков Д. В. Введение // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследование / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 5–7.
- Мегрбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб.: Речь, 2001.
- Мелибруда Я. Я–Ты–Мы. М.: Просвещение, 1986.
- Менджерщицкая Ю. А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения // Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001. С. 179–192.
- Пугачевский О. О. Коммуникативно-личностные смыслы интерпретации невербального поведения: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 385–428.
- Рябова Л. В. Интерпретация как феномен общения (методологические аспекты): Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1985.
- Сериков Г. В. Интерпретация невербального поведения в связи с социально-психологическими характеристиками личности: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
- Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.
- Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 11–28.
- Фейгенберг Е. И., Асмолов А. Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. № 6. С. 58–65.
- Шкурко Т. А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1997.
- Экман П. Психология лжи. СПб., Питер, 2003.
- Ausdruckpsychologie // Handbuch der Psychologie in 12 Bänder. Berlin, 1965.
- Bull P. Body movement and interpersonal communication. Chichester, 1984.
- Costanzo M., Archer D. Interpreting the expressive behavior of others the Interpersonal Perception Task // Journal of Nonverbal Behavior. 1989. № 13. P. 225–245.
- Ekman P., Scherer R. Methodological issues in studying nonverbal behavior // Handbook of methods in nonverbal behavior research. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 1–44.
- Hall J. A. Bernieri F. J., Carney D. R. Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity // The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York, 2005. P. 237–281.
- Handbook of methods in nonverbal behavior research / Ed. by K. Scherer, P. Ekman. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

- Harrigan J.A.* Conducting judgment studies: some methodological issues // *The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. Oxford: University Press Inc., New York, 2005. P. 199–234.
- Ickes W.* Measuring empathic accuracy // *Interpersonal sensitivity: theory and measurement* / Ed. by J.A. Hall, F.J. Bernieri. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001. P. 219–241.
- Nonverbal behavior research perspectives applications intercultural insights* / Ed. by Wolfgang A. Jewiston. New York, Toronto, 1984.
- Palmer M., Simmons K.* Communicating intentions through nonverbal behaviors. Conscious and nonconscious encoding of liking // *Human Communication Research*. 1995. V. 22. № 1. P. 128–160.
- Sullivan Q., Guilford D., deMille R.* The measurement of social intelligence. California, 1965.
- The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research* / Ed. by J. A. Harrigan, R. Rosenthal, K. R. Scherer. Oxford: University Press Inc., New York, 2005.
- Yoshimoto D., Shapiro A. O., Brien K., Gottman J.* Nonverbal communication coding systems of committed couples // *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. Oxford: University Press Inc., New York, 2005. P. 369–397.